

СЕМИОЗИС ГОРОДСКОГО ПАТРИОТИЗМА: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье ставится задача выявить семиотический механизм формирования городского патриотизма. Уделяется внимание осмыслению связи визуально воспринимаемых символов (ландшафт) со знаками, символами и другими элементами («неландшафтный текст»), включаемыми в семиотический механизм формирования городского патриотизма, анализируется влияние знаков и символов города на сознание жителей, роль архитектурных символов, планировки города, праздников, музеев, краеведения в консолидации горожан и восприятию ими городского пространства.

городской патриотизм, жизненные сферы, бизнессферный знак, символы, семиотика города.

В исследованиях города часто применяются семиотические концепты. В частности, получил признание семиосоциопсихологический метод Т.М. Дридзе¹. Этот метод синтезирует под началом социологии ряд подходов, применяемых психологами, географами, планировщиками, архитекторами, антропологами, в том числе социально-идентификационный, визуально-антропологический, семиотический, ценностно-нормативный.

В основе гипотезы нашего исследования утверждение французского историка М. Пастуро, что «символ всегда весомее и подлинней реального человека или вещи»². Он писал о символах в средневековой Европе, но сегодня это утверждение еще более актуально. Феномен патриотизма в значительной мере является символьным конструктом.

Проведем различие знака и символа. Знак – фрагмент (элемент) знания об объекте (вещи), отражающий в визуализированной (звуковой, аудиовизуальной, текстовой) форме его существенные черты. Символ в отличие от знака дает более кодированное знание, размышляющее реальные черты отражаемого объекта. «В той мере, в какой действительность символизирована, заключена в символическую систему, вещь как таковая оказывается представлена в слове, в своем понятии, а не в непосредственной данности», – отмечает С. Жижек³.

¹ Дридзе Т.М. Социально-диагностическое исследование города // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1. С. 95–103.

² Пастуро М. Символическая история Европейского средневековья : моногр. СПб. : Александрия, 2012. С. 19.

³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии : моногр. М. : Художественный журнал, 1999. С. 135.

Множество знаков не означает возможность множества символов. В символе возникает сложное соединение: а) образа, преодолевающего «приземленность» знака; б) «духоподъемной» идеи о смыслах, интерпретация которых переводит знак в символ; в) носителя знака (материального, виртуального, ментального), отделенного от референта (означаемого). Кроме того, символотворчество предполагает влияние соответствующего социокультурного контекста и институтов. Повседневные взаимодействия людей, активность горожан, проявляющаяся в существовании общности, способствуют семиозису в целом и символотворчеству в частности.

В разработанной Т.М. Дридзе семиосоциопсихологии городское пространство представляется как текст (ландшафтный + неландшафтный), то есть совокупность знаков, создающая осмысленное послание и предполагающая осмысленное восприятие города. Знаки, визуальные и невизуальные, не только «замещают» реальные объекты, но и задают программу деятельности истолкователям. Характер господствующей символики относится к важнейшим факторам городской среды, способствующей выживанию и воспроизводству здоровых людей. Так формируется коммуникация, создающая культурную субстанцию, которая консолидирует людей в городе ⁴.

Город – форма самоорганизации жизненных сфер (жизненного мира), где происходит наиболее интенсивное насыщение знаками и символами, особенно рассчитанными на визуальное восприятие. Но толкование визуальных знаков города (ландшафтного текста), в том числе его туристического образа, не может отрываться от неландшафтного текста. Знаки, характеризующие взаимоотношения горожан, повседневность жизненных сфер (деятельность школ, больниц, транспорта, коммунальных служб), влияют на восприятие города, на патриотический настрой не меньше, чем визуальные символы. Единство воздействия всех этих знаков при соответствующем средовом восприятии формирует самобытный городской патриотизм.

Формирование символов городского патриотизма связано с долговременным процессом воспроизводства и восприятия смыслов социальной коммуникации в городе и опирается на совокупность знаков самоорганизации жизни на микроуровне социальных взаимодействий повседневности, порождающей особую активность (общественность). С одной стороны, люди строят, воспринимают и понимают город, с другой – город формирует людей, влияя на их психику и поведение.

Для перехода к пониманию городского патриотизма полезно обратиться к исследованиям городской интеграции. В частности, согласно В. Брэнфорду, город – это форма и символы интегрированных общественных отношений, в которых предметы цивилизации умножаются, человеческий опыт трансформируется в жизнеспособные знаки, символы, модели поведения ⁵. Возникает законо-

⁴ Дридзе Т.М. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды // Города как социокультурное явление исторического процесса. М. : Наука, 1995. С. 334, 335.

⁵ Куфанова С.Н. Периферийный полиэтничный город: социокультурное позиционирование (на примере г. Майкопа) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2013. С. 13.

мерный вопрос: как обеспечивается подобное интеграционное символотворчество?

Возможны разные варианты интеграционного символотворчества: событийный (знаменательное событие, праздник), «вдохновенный» (произведение искусства, ставшее памятником, достопримечательностью), идейно-политический (персоны, мифы). Но для всех символов, в том числе городских, необходим процесс концентрации жизнесферных знаков повседневности. Происходит их постепенная стереотипизация в общественном (групповом) сознании, сопровождаемая приписыванием означаемому позитивных свойств, типичных для большинства горожан (основателей города, незаурядных персон, благ или артефактов). Так появлялись образы, «срастающиеся» с определенным местом и ставшие символами (тульский Левша и самовар, малахитовая шкатулка, рязанские пироги, магнитогорский металлург, североморский матрос и др.).

Большие города отличаются разнообразием жизнесферных знаков, подготавливающих яркую символику, особый язык событий, архитектуры, планировки⁶. Эта символика репрезентируется и транслируется, благодаря множеству институтов-трансляторов, объектов и субъектов символизации. Семиозис города (придание значений объектам, их интерпретация) берет начало от знаков повседневного уровня, отражающих некие топосы происхождения смыслов, привязанные к основным жизненным сферам. В последних возникают индивидуальные и групповые (сословные, стратовые) статусные знаки, которые согласовываются в отношении некоторых ориентаций в символическом пространстве города, что служит исходным материалом для общих (коллективных) символов на уровне города в целом. Семиозис города помогает строить соответствующий понятийный ряд, а вместе с ним специальный семиотический механизм.

Рассмотрим повседневный уровень семиозиса города, начиная со знаков жизненных сфер. Жизненные сферы – универсальный набор структур жизнедеятельности, в каждой из которых индивидуальные и коллективные знаки порождаются и согласуются, подчиняясь определенному семиотическому механизму. Это связано с нормативным характером знаков, на что обращал внимание Т. Веблен. Комментируя Т. Веблена, М. Красильникова пишет: «Сторонники определения нормальной жизни «как у всех» и их оппоненты при описании того, что такое нормальная жизнь, пользуются примерно одинаковым набором потребительских расходов – символов нормальной жизни»⁷. В данном наборе должны присутствовать конструкты, формирующиеся из знаков ландшафтного и неландшафтного текстов города, переживаний взаимоотношений по поводу городской символики.

К универсальным жизненным сферам (микроуровню семиозиса), порождающим индивидуальные и коллективные статусные знаки, относятся четыре основные сферы:

⁶ Вопросы теории архитектуры: архитектура в диалоге с человеком : сб. науч. тр. М. : URSS, 2013.

⁷ Красильникова М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1. С. 42. (В данном случае автор употребила термин «символы», но речь идет о знаках.)

1. Территориально-пространственная сфера (код – территориальность), порождающая знаки ландшафта (планировка и архитектура города), путей сообщения, доступа к объектам природы.

2. Естественно-антропологическая сфера (код – телесность) со знаками социально-демографических состояний – детства, отрочества, зрелости, старости, семьи, быта, здоровья.

3. Духовно-культурная сфера (код – духовность), где формируются знаки, связанные с мифами, верованиями, историей, духовной атмосферой, этикой малых сообществ.

4. Агентно-профессиональная сфера (код – агентность) – знаки самобытных достижений: ремесел (промыслов), преобладающей местной экономики.

Нередко обозначается доминанта кода одной из жизненных сфер, что определяет особенности семиотики разных городов и может вести к монопрофильной структуре деятельности горожан (моногород). Тем не менее, знаки всех жизненных сфер оказывают взаимное влияние друг на друга. Знаки территориально-пространственного характера так или иначе влияют на другие знаки города, предопределяя не только исторический выбор места поселения, но затем и формирование структур развития.

Совокупность привязок к специфике Места, выражая микроуровень социальных взаимодействий, способствует функционированию знаков нормальной матрицы семиозиса горожан («территориальность – телесность – духовность – агентность»). Такая матрица, выражаемая в общих знаках и символах, помогает включать статусные знаки индивидов и разных слоев горожан в единую знаково-символьную систему. Важно, как эта матрица воспринимается, при этом значительную роль играет такой компонент семиотического механизма, как визуальное восприятие города его жителями, туристами и мигрантами. Практика восприятия такой матрицы соединяется в символьных комплексах, интегрирующих знаки жизненных сфер и получающих значимость для горожан.

Визуальное выражение матрицы жизненных сфер воспроизводилось еще в гравюрах XVI века, где город изображался с далекого расстояния путем совмещения через визуальный символьный комплекс прототипов топографических планов, значимых мест, занятий, персон, событий. Складывалась система кодирования: данные визуального опыта переносились так, чтобы, используя символы, сочетались достоверность, образность, репрезентативность и экономичность изображения⁸.

Визуальные символьные комплексы формируются из знаков ландшафта (планировки улиц и площадей, архитектуры, скульптуры, дизайна), транслируются с помощью социальной рекламы, печати, школы, средств массовой информации, языковой и символьной политики. Так, в итальянских городах знаки архитектуры и планировки складывались в символьный комплекс, являвшийся важным фактором как городской, так и национальной идентичности и включав-

⁸ Иванов К., Егорова И. Город на ладони: ранняя история городской топографии // ЛОГОС. Город. 2008. № 3/66. С. 184–187.

ший собор, здание муниципалитета, центральную площадь, колокольню или башню с часами ⁹.

Обобщение таких практик восприятия и изображения помогает разрабатывать методы визуального наблюдения городского пространства, анализировать фотографии, графику, живопись в единстве с текстовыми документами. Выделение символических комплексов является узловым моментом такого анализа. Архитектурные, скульптурные, планировочные и другие ландшафтные знаки вписываются в контекст жизненных сфер. Ландшафтные знаки вместе с неландшафтными включаются в социокультурное производство, в котором участвуют жители, организации, местная власть, историки, архитекторы, планировщики, а также туристы и мигранты.

Городской патриотизм складывается из знаков, выражающих местную идентификацию. По справедливому утверждению историка архитектуры С. Костофа, городские ориентиры отмечают символы веры и особые достижения, фокусируя форму города и выявляя городской портрет ¹⁰. Так, скульптурные памятники становятся визуальными центрами площадей и других публичных территорий, образуя символические комплексы, способствующие формированию городского патриотизма. К подобным символам относятся праздники городов, памятники местным промыслам и продуктам, получившие название «необычных» ¹¹, например: памятник козе в городе Урюпинске (производство пуховых платков), огурцу в городе Луховицы (выращивание огурцов); антоновке – в Курске (яблоневые сады), праздники «длинной колбасы» в Калининграде (в Кёнигсберге было развито приготовление колбас), местных продуктов в городах Италии.

Итак, городской патриотизм формируется как комплекс образов, чувств, знаний, установок, ценностей, стимулирующих позитивное восприятие символов, выражающих общие интересы жителей в контексте повседневной жизни. А. Зберовский выделяет следующие когнитивные, ценностные и акционные элементы, необходимые для привития любви к городу: знание города, сочетаемое со знанием истории страны, возможность самореализации в городе, забота города о детях, сопричастность горожан к управлению городом, проведение просветительских программ для детей и взрослых ¹². Такие элементы усиливают энергию жизнесферных знаков, поддерживают их соединение в символические комплексы.

Рассмотрим далее направленность и структуру семиотического механизма. Семиотический механизм направлен на усиление восприятия символических комплексов, которые отражают общие знания и чувства, совпадение партикулярных интересов, снижают противодействие индивидуальных и групповых ста-

⁹ Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. С. 26.

¹⁰ Kostof Spiro. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. Boston ; Massachusetts : Bulfinch Press, 1991. P. 296.

¹¹ Стрельникова А.В. Необычные памятники как объект визуального пространства // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 95.

¹² Лалетина Е. Любишь ли ты Красноярск, как люблю его я? // Городские новости. Красноярск. 2011. 2 июня. № 2380. URL : <http://www.gornovosti.ru/tema/blagoustroistvo/htm> (дата обращения: 20.06.2013).

тусных знаков. Благодаря этому частные (семейные) статусные знаки, обозначающие достигнутое положение и ориентиры индивидуальной деятельности, согласуются с коллективными (городскими и национальными) символами.

Важную роль в семиозисе городского патриотизма играет сигнификация *основных институтов повседневности*. Институты начинаются в социальном воображаемом, переплетающемся с символическим, обеспечивая только таким образом представление о социальной целостности и консолидации¹³. Последние берут свое начало от знаков названных жизненных сфер. Это – карты, переписи, топонимы, больницы, кладбища, школы, места памяти, пресса, геральдика, праздники, выставки достижений и т. д., которые воспроизводят местные знаки, помогая тем самым формировать и транслировать символичные комплексы города, соединяя правила и ресурсы по результатам повторяющихся успешных практик. Эти практики откладываются в матрице жизненных сфер, способствуют ее сигнификации – закреплению знаков в сознании (подсознании).

Исторически в территориально-пространственной сфере особое значение имел такой институт местного семиозиса, как «карта» (план) города. С его помощью кодируют восприятие ландшафта (планировка и объекты градостроительства) и путей сообщения. Первоначально карта – это знак-индекс места, который воспроизводился на разных носителях (печати, гравюры, открытки, летописи). В этом процессе индивидуальные (семейные) знаки соотносятся с одобряемыми большинством символами. В ментальности горожанина складывалась определенная «карта» (матрица), включающая образ малой родины и помогающая кодировать и декодировать ландшафтные символы.

В естественно-антропологической сфере важен институт статистико-демографической переписи. В широком смысле перепись охватывает ряд институтов: работу статистиков, регистрацию местопребывания, запись актов гражданского состояния (от рождения до смерти), неформальные коллективные состояния (обряды инициации, свадьбы, крестин, похорон и т. д.). В духовно-культурной сфере важны городские летописи, музеи, культы и праздники местных святых и героев, церковные приходы, школа, местная газета, архитектура, скульптура, в значительной мере влияющие на формирование местного нарратива – «славных дел земляков». Характеризуя роль языка и образования, П. Бурдьё видел их функцию в стандартизации культурных и лингвистических различий в пользу доминирующей символической системы¹⁴. В агентно-профессиональной сфере семиозис городского патриотизма поддерживается демонстрацией (выставок) местных достижений, конкурсов, праздников профессий.

«Карта» влияет на восприятие многих знаков: природы (флора, фауна), ландшафта (планировка), земли (кадастры). Она получает модифицированное выражение в планах-макетах, интересных архитекторам, планировщикам, специалистам по визуальной антропологии, урбанистике, туризму. Планы-макеты горо-

¹³ Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние : моногр. М. : Проспект, 2013. С. 105–106.

¹⁴ Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MJ : Harvard University Press, 1991. 312 p.

дов разных масштабов используются в музеях и парках (Берлин, Калининград и др.). Появляются планы-макеты государств: макет России размещен в одном из помещений частной компании в Санкт-Петербурге. Планируется создание (при участии федеральной власти и субъектов РФ) большого плана-макета России в Домодедовском районе Подмосковья. Отбор городских памятников культуры, модели которых будут размещены в этом парке, проводится по конкурсу с голосованием граждан по Интернету и SMS. Так «карта» способствует проявлению местного патриотизма и интеграции проявлений последнего в патриотизм региональный и национальный («большой национальный нарратив»).

Семиотический механизм формирования городского патриотизма включает также ценностный код, с помощью которого горожане приписывают позитивные признаки (качества) своему городу, отличающие его от других. Этот ценностный код отражается в местных знаках и символах – гербах, гимнах, памятниках, праздниках¹⁵. Подобные коды вписываются в разработанную французскими социологами Л. Болтански и Л. Тевено концепцию «градов» и «режимов публичного оправдания», согласно которой совместные действия (сосуществование) оправдываются значимостью общего блага или справедливости¹⁶. Символы общезначимого блага служат для сообщества основанием консолидации и поддержки городского патриотизма.

В городском патриотизме выявляются *характер и степень инклюзии* (включенности), обеспечиваемой активностью граждан и символической политикой, сопровождающей городское управление и самоуправление. Критерий инклюзивности показывает, насколько городской патриотизм коррелирует с участием горожан в жизни города (района, квартала, дома), в общественном контроле над работой городской власти, управляющих компаний, товариществ собственников жилья. Речь идет о представленной в социологическом дискурсе тематике «право на город» (right of city)¹⁷.

Размышляя об инклюзивном городском патриотизме, необходимо различать варианты мотивации консолидации горожан: А) «инклюзивный активистский патриотизм» локализованного типа; Б) «инклюзивный активистский патриотизм» интегрированного типа; В) «пассивная гордость». Это, скорее, «чистые» типы. Возможны и другие, в том числе промежуточные.

Вариант «В» – это пассивная любовь к городу (футбольной команде, памятникам истории и культуры), иными словами, «патриотизм, не вставая с домашнего дивана». Мы не будем здесь его рассматривать.

¹⁵ Так, юмор и экономность жителей болгарского города Габрово выражает их городской символ – кот с обрубленным хвостом, входящий в дом. По легенде, хвост коту отрубали, чтобы, когда он входил и выходил, быстрее закрывалась дверь, и тем самым экономилось тепло. Символ города Мытищи Московской области – ладья, что символизирует наличие реки Яузы и совместное «плавание» (коллективное проживание). В символах Владивостока тигр, цвета флага и герба призваны символизировать уникальность природы и положительные качества его жителей.

¹⁶ Каркюф Ф. Новые социологии : пер. с фр. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб : Алетейа, 2002. С. 153–154.

¹⁷ Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge : Polity Press, 2002 ; Харви Д. Право на город // ЛОГОС. Город. 2008. № 3/66.

Вариант «А» – проявление активного стремления к обретению городской идентичности «мы» – общего (солидарного) представительства города и соответствующей гордости за «свой» город, отличающийся от других. Это – коллективное публичное «мы-оправдание» совместного сосуществования горожан как общей истории, судьбы и современности. Он может переходить в вариант «Б», а может расходиться с ним, если интегрируется в национально-государственный патриотизм.

Вариант «Б» – желаемый вариант сочетания городского патриотизма и национального гражданства; в идеале он отражен у социалистов-утопистов Т. Мора, Т. Кампанеллы и др. К нему стремятся «настоящие горожане» и власти города; в ряде городов достигнуты успехи в этом направлении. На практике его невозможно достичь в полной мере, тем более при современном усилении социальной дифференциации горожан.

Вариант «А» граничит с модификациями, имеющими место в реальности. Модификация «А-1» – доминанта космополитических мотиваций, индивидуализированного восприятия проблем, ориентированного на западные стандарты и переезд за границу. Возможна модификация «А-2» – стремление к частичному зонированному улучшению «своей» части города (создание зеленых зон для избранных). Обе эти модификации не приемлют или считают недостижимым общее консолидированное «мы-оправдание» жизни в «своем» городе.

Вариант «А» ориентирован в большей степени на активное преобразование здесь и сейчас «своего» городского пространства, приближение к реализации повышенных требований к дизайну, инфраструктуре досуга, комфортности проживания. В таком городе комфортно не только работать, создавать быт, семью, но и проводить интересно досуг, общаться. Из него не хочется переезжать в другой город (страну). О нем пишет, в частности, специалист пиар-технологий и галерист М. Гельман, считающий, что городской патриотизм (пермский, мюнхенский и т. д.) заменит патриотизм французский, российский и т. п.¹⁸. О подобном образе города пишут Р. Ллойд и Т.Р. Кларк, отмечая, что город – «машина для развлечений», «пространство символического производства и потребления», где «культура определяет экономическое благосостояние, а не наоборот»¹⁹. Следует уточнить, что горожане при этом являются участниками не только потребления, но и преобразования. Такой вариант предполагает соответствующую организацию ландшафтных и неландшафтных знаков и символьных комплексов в публичном пространстве при равнодушном отношении жителей к городу.

Вариант «А» проявляется в современных городах, в том числе в России. Его формирование сталкивается с немалыми трудностями в борьбе с уплотнительной застройкой, «ползучей сегрегацией» в связи с ростом социальной дифференциации зон городской среды («респектабельных» и «бедных» районов). Рост социально-пространственного неравенства в разных районах городов ведет к сильной асимметрии в распределении престижных символов, своеобразной

¹⁸ Гельман М. Патриотизм станет городским понятием // Городская газета. Томск, 2011. № 10. URL : gorgas.tomsk.ru/2011/10 (дата обращения: 27.05.2013).

¹⁹ Ллойд Р., Кларк Т.Н. Город как машина для развлечений // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 1. С. 33.

«символьной сегрегации», что встречает сопротивление. Проявление городского патриотизма при таком варианте может быть защитным и системным. Защитный вариант, скорее, спонтанный, приводящий к резонансному событию, позволяющему мобилизовать сторонников, примером чему являются движения в защиту химкинского леса, «Живой город» в Санкт-Петербурге. Последнее помогло предотвратить сооружение в историческом центре города такой ландшафтной доминанты, как «башня» Газпрома. Проект «Охта-центр» был воспринят частью петербуржцев как символ насилия над единым символьным пространством города – «духом города»²⁰. Эта доминанта вела бы к возвышению знаков агентности (субъектности) газовой монополии над символами духовной культуры, что серьезно искажило бы соотношение символьных комплексов, разрушило бы сложившиеся символьные доминанты. Это строительство удалось перенести в Приморский район Санкт-Петербурга. Однако оказалось труднее остановить менее заметное, менее резонансное, но мощное наступление девелоперов на московские дворы и дворики, постройки усадебного типа, сохранявшие знаки прежней Москвы («дух» Москвы), места отдыха от суеты улиц. Ситуация в Москве и ряде других городов свидетельствует о недостаточности только защитного варианта «А» и востребованности системной активности.

Варианты «А» и «Б» взаимосвязаны и взаимообращаемы и могут выстраиваться в определенной иерархии в индивидуальном и коллективном сознании и формировать инклюзивированный городской патриотизм. Но вариант «А» может модифицироваться в индивидуализированные (групповые) стили восприятия города, конфликтующие с вариантом «Б» и подрывающие городскую консолидацию. Это проявляется не только в игровых проявлениях субкультур (стычках молодежных группировок), но и в ландшафтной сегрегации, приводящей к «бунтам предметов», например, в Париже в 2005–2006 годах, Стокгольме в 2013 году.

Статусные знаки значительной части горожан все больше зависят от места проживания. Низкие статусные знаки дают «спальные» и промышленные районы, в особенности расположенные недалеко от вредных производств, а также «окраины», кварталы ветхого и аварийного жилья, сегрегированные кварталы, самовольно застроенные окраины, трущобы (фавелы). Кроме того, часть горожан стремится в целях безопасности отгородить свою жилую территорию и офисы от других горожан, стоящих ниже на «социальной лестнице», применяя заборы (ограды), охрану, камеры слежения. Создаются фешенебельные кварталы, по выражению Р. Сеннета, «оазисы», «анклавы глобалистов», воспитывающие безразличие к городу²¹. Тема элитного зонирования города получила освещение в научной литературе таких авторов, как З. Бауман, М. Кастельс. Урбанист М. Робле-Дюран пишет о приватизации городского пространства капиталом, что приводит к «улучшению города в особых зонах, которые оторваны от основного населения по ценам или территориально», где имеются «высоко-

²⁰ От общественного к культурному / под ред. О. Хархордина. СПб. : Европейский ун-т Санкт-Петербурга, 2011. 530 с.

²¹ Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // ЛОГОС. Город. 2008. № 3/66. С. 104.

классные музеи, общественные пространства с необычным, даже избыточным дизайном, суши-бары и кафе»²².

Как при такой дифференциации обеспечивать соединение символьного разнообразия с консолидацией и формирование инклюзивированного городского патриотизма? Разумеется, необходимы экономические и социально-политические методы снижения дифференциации и негативных эффектов глобализации и глокализации. Но требуется и формирование эффективной символической политики, воспитание культуры, чтобы город воспринимался как культурный центр и город для жителей.

Какие направления развития семиотического механизма могут этому способствовать? Необходима концепция будущего города, символы которой привлекают значительную часть его населения. Например, социологи отмечают, что для жителей города Майкопа привлекательно усиление восприятия этого города как компактного студенческого (университетского) полиэтничного города²³. Для некоторых промышленных городов благоприятна символика трансформации в социокультурные и политехнические центры с инновационными технопарками на базе вузов и предприятий. Городские сообщества – своеобразные лаборатории и площадки социокультурного консолидирующего дискурса и символической политики. Последняя становится важнейшей составляющей концепции развития и формирования инклюзивированного городского патриотизма.

Направлениями концепции развития и формирования инклюзивированного городского патриотизма являются: поддержка консолидирующих знаков жизненных сфер, интеграция культурного наследия прошлого в новом символическом пространстве; обеспечение оптимального соотношения центральности, срединности и периферийности в символическом обеспечении новых районов; соединение эффектов ландшафтного и неландшафтного текстов с помощью туризма и воспитания средового восприятия города. Эти направления взаимодействуют и взаимодополняют друг друга.

Помимо улучшения «карты» (ландшафта), должен поддерживаться и институт «переписи» (в широком смысле) в плане профилактики болезней, ввода поликлиник и детсадов, улучшения статистики, что влияет на демографические и этнические пропорции, на распределение бюджетов. В духовно-культурной сфере речь идет об активном оживлении позитивного нарратива города с помощью музеев, местных культов, средств массовой информации. В агентно-профессиональной сфере необходима интенсификация демонстраций достижений хозяйства, профессиональные праздники, соревнования профессионалов, символизирующие трудолюбие, мастерство, сохранение ремесленных традиций, достижений современной экономики.

В промышленных городах возможно органичное сочетание символов промышленной архитектуры с символами постиндустриального типа, чтобы сблизить периферийные и центральные части города, реабилитировать освобождающиеся промышленные зоны, включить часть их в экскурсионные маршруты. Например,

²² Щукин А. Город, которым не спекулируют // Эксперт. 2013. № 5. С. 60.

²³ Куфанова С.Н. Периферийный, полиэтничный город. С. 22.

в Москве здание кондитерской фабрики «Красный Октябрь» стало музеем предприятия; бывший винный завод преобразован в галерею современного искусства. Известно строительство предприятий (офисов) со стенами в виде террас, засаженных кустарниками (Сеул). Есть пример символического оформления очистных сооружений в Копенгагене, где крыша предприятия превращена в общественный лыжный склон, стены прозрачные, а из лифта, поднимающего людей к лыжне, можно наблюдать внутреннее производство, что одновременно и познавательно, и воспитывает экологическое сознание. Мусороперерабатывающий завод в Вене после реконструкции не только обогревает 100 тысяч жилищ, но и превращен знаменитым художником Ф. Хундертвассером в экскурсионный объект. Так обеспечивается гармония старого и нового ландшафта.

Увлечение точечной и высокоэтажной застройкой в ряде случаев вредит общему ландшафту городов, вносит диссонанс в отношения жителей, усугубляет проблемы социальной безопасности. В ряде городов есть ограничение на высоту зданий. В Санкт-Петербурге удалось отстоять ограничение на высоту строений в историческом центре до 24 метров. В подмосковных городах с 2013 года ограничена высотность строительства (не более 17 этажей). В принципе необходимо и это ограничение дифференцировать. Так, для небольших городов Подмосковья и 17-этажные здания могут восприниматься, как чужеродный ландшафт, усиливающий социальную напряженность между застройщиками и жителями, разными слоями горожан.

Серьезной является задача соединения ландшафтного и неландшафтного текстов городов. Неландшафтные тексты – это материалы музеев, экскурсий, геральдики, филателии, нумизматики, фалеристики, наработки краеведов, частные, корпоративные, муниципальные, государственные архивы, работа краеведов, педагогов, журналистов по воспитанию инклюзивного патриотизма. Существенный вклад могут внести программы воспитания визуального восприятия городских символов (с местным нормативным обеспечением²⁴) в школах, детсадах, вузах, общественных центрах, разработка и применение карт маршрутов с новыми экскурсионными ресурсами, обмен символами между городами. Все это актуально в свете «символьной вооруженности» социумов²⁵.

В городе Магнитогорске впервые был написан и опубликован учебник по истории города для преподавания в 9–11 классах. Прошли обсуждения среди педагогов и школьников. Тираж обеспечил всех 9-классников и городские библиотеки. Разрабатываются рабочие тетради, электронная версия учебника с видео- и фотоматериалами, проекты по изучению истории и современной жизни города с участием школьников. Краеведческая составляющая семиозиса, сохраняя ценное наследие, помогает воспитывать инклюзивный городской патриотизм.

²⁴ На федеральном уровне для этого есть нормативное правовое обеспечение работы по воспитанию восприятия государственных символов. (См.: О деятельности музеев образовательных учреждений : письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 года. № 28-51-181/16.)

²⁵ Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–30.

В Екатеринбурге муниципальное бюджетное учреждение «Столица Урала» разработало стратегический проект «Я – гражданин Екатеринбурга (городской патриотизм)» с выделением на реализацию почти 18,5 миллиона рублей. Этот проект коррелируется со стратегическим планом развития, различные направления которого сопровождаются программами «Екатеринбург спортивный», «Город комфортной социальной среды», «Екатеринбург – мегаполис культуры и искусства», «Здоровый город», «Образование – основа развития, залог успеха», «Чистый благоустроенный город», «Оздоровление окружающей природной среды», «Екатеринбург – столичный город», «Город общественного согласия», «Город активных граждан», «Екатеринбург – безопасный город». С 2010 года ежегодно проводится летний фестиваль уличного искусства и граффити «Стенография». Для создания художественных образов используются стены промышленных и жилых зданий, ограды строительных площадок, что помогает создавать символы для туристских маршрутов.

Поиски опорных символов формирования городского патриотизма продолжаются. Ряд выходов видится в усилении внимания к социальной политике. При острой нехватке детских садов, школ, поликлиник в новых микрорайонах такие социальные объекты, исполненные в ярком архитектурном стиле, с дизайном, выражающим местную идентичность, стали бы мощными символическими комплексами микрорайонов, поддержали бы принцип центральности и консолидирующие ландшафтный и неландшафтный тексты. Неслучайно городской патриотизм называют «женским» («семейным»). Семьи, женщины ценят город во многом за то, что он заботится о детях, а значит о будущем. В этом заложен потенциал инклюзивного городского патриотизма. В таком учреждении собираются родители с микрорайона (квартала), проводят собрания, создают родительские комитеты. Это – узел соединения знаков территориальности, телесности, духовности, агентности, центр активной трансляции консолидирующих городских символов. Создание символов, способствующих инклюзивному патриотизму, становится основой долговременной символической политики в городе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Вопросы теории архитектуры: архитектура в диалоге с человеком [Текст] : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Добрицыной. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2013. – 528 с.
2. Гельман, М. Патриотизм станет городским понятием [Электронный ресурс] : городская газета. – Томск, 2011. – № 10. – Режим доступа : gorgas.tomsk.ru/2011/10 (дата обращения: 27.05.2013).
3. Гладарев, Б. От общественного к культурному [Текст] : моногр. / Б. Гладарев [и др.]. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2011. – 530 с.
4. Дридзе, Т.М. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды [Текст] // Города как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 334–344.
5. Дридзе, Т.М. Социально-диагностическое исследование города [Текст] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 1. – С. 95–103.

6. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии [Текст] : моногр. / пер. с англ. В. Софронова. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.
7. Иванов, К. Город на ладони: ранняя история городской топографии [Текст] / К. Иванов, И. Егорова // ЛОГОС. Город. – 2008. – № 3/66. – С. 184–199.
8. Исаев, И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние [Текст] : моногр. – М. : Проспект, 2013. – 176 с.
9. Каркюф, Ф. Новые социологии [Текст] : моногр. / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Фёдоровой. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб : Алетейа, 2002. – 172 с.
10. Кармадонов, О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика [Текст] // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 29–41.
11. Красильникова, М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену [Текст] // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2011. – № 1. – С. 36–50.
12. Куфанова, С.Н. Периферийный полиэтничный город: социокультурное позиционирование (на примере г. Майкопа) [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2013. – 23 с.
13. Лалетина, Е. Любишь ли ты Красноярск, как люблю его я? [Электронный ресурс] // Городские новости. – Красноярск, 2011. – 2 июня. – № 2380. – Режим доступа : <http://www.gornovosti.ru/tema/blagoustroistvo/html> (дата обращения: 20.06.2013).
14. Ллойд, Р. Город как машина развлечений [Текст] / Р. Ллойд, Т.Н. Кларк ; пер. с англ. Н.Ю. Рупасова // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Вып. 1. – С. 33–44.
15. Пастуро, М. Символическая история европейского средневековья [Текст] : моногр. / пер. с англ. Е. Решетниковой. – СПб. : Александрия, 2012. – 448 с.
16. Сеннет, Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие [Текст] / пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС. Город. – 2008. – № 3/66. – С. 95–107.
17. Стрельникова, А.В. Необычные памятники как объект визуального пространства [Текст] // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 95–99.
18. Харви, Д. Право на город [Текст] / пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС. Город. – 2008. – № 3/66. – С. 80–94.
19. Шевлякова, Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев [Текст] : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – 49 с.
20. Щукин, А. Город, которым не спекулируют [Текст] // Эксперт. – 2013. – № 5/837. – С. 60–65.
21. Amin, A. Cities: Reimagining the Urban [Text] / A. Amin, N. Thrift. – Cambridge : Polity Press, 2002. – 192 p.
22. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power [Text]. – Cambridge : Harvard University Press, 1991. – 312 p.
23. Kostof Spiro. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History [Text]. – Boston : Bulfinch Press, 1991. – 352 p.

REFERENCES

1. Amin, A. Cities: Reimagining the Urban [Text] / A. Amin, N. Thrift. – Cambridge : Polity Press, 2002. – 192 p.
2. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power [Text]. – Cambridge : Harvard University Press, 1991. – 312 p.

3. Dobritsyna, I.A. *Voprosy teorii arkhitektury: arkhitektura v dialoge s chelovekom* [Text] [Problems in the theory of architecture: Architecture in a dialogue with a man]. – Moscow : URSS : LIBROKOM, 2013. – 528 p.
4. Dridze, T.M. *Kommunikativnyye mekhanizmy kul'tury i prognozno-proyektnyy podkhod k vyrabotke strategii razvitiya gorodskoy sredy* [Text] [Communication mechanisms of culture and forecast-project approach to development strategies for the urban environment] // *Goroda kak sotsiokul'turnoye yavleniye istoricheskogo protsessa*. – Cities as a sociocultural phenomenon of the historical process. – Moscow : Science, 1995. – P. 334–344.
5. Dridze, T.M. *Sotsial'no-diagnosticheskoye issledovaniye goroda* [Text] [Socio-diagnostic study of the city] // *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. – Bulletin of the Russian Humanitarian Foundation. – 1996. – N 1. – P. 95–103.
6. Gel'man, M. *Patriotizm stanet gorodskim ponyatiem* [Text] [Patriotism will become an urban concept] : *Gorodskaya gazeta*. – A city newspaper. Tomsk, 2011. – N 10. – Available at : gorgas.tomsk.ru/2011/10 (accessed: 27.05.2013).
7. Gladarev, B. *Ot obshchestvennogo k kul'turnomu* [Text] [From social to the cultural]. – Saint Petersburg : Europe University Press, 2011. – 530 p.
8. Isayev, I.A. *Solidarnost' kak voobrazhayemoye politiko-pravovoye sostoyaniye* [Text] [Solidarity as imagined political and legal status]. – Moscow : Prospect, 2013. – 176 p.
9. Ivanov, K. *Gorod na ladoni: rannyya istoriya gorodskoy topografii* [Text] [City at a glance: the early history of urban topography] // LOGOS. City. – 2008. – N 3/66. – P. 184–199.
10. Karkyuf, F. *Novyye sotsiologii* [Text] [New Sociology] / Russ. ed. Ye.D. Voznesenskaya, M.V. Fodorova. – Moscow : Institute of Experimental Sociology ; SPb : Aleteya, 2002. – 172 p.
11. Karmadonov, O.A. *Effekt otsutstviya: kul'turno-tsivilizatsionnaya spetsifika* [Text] [Effect of absence : cultural-civilizational specifics] // *Voprosy filosofii*. – Problems of Philosophy. – 2008. – N 2. – P. 29–41.
12. Kharvi, D. *Pravo na gorod* [Text] [Right to the City] / A. Smirnov' Russian edition // LOGOS. Gorod. – 2008. – N 3/66. – P. 80–94.
13. Kostof Spiro. *The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History* [Text]. – Boston : Bulfinch Press, 1991. – 352 p.
14. Krasil'nikova, M. *Kul'tura bednosti. Postsovetskiy kommentariy k Veblenu* [Text] [Culture of poverty. Comment to the post-Soviet Veblen] // *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*. – Herald of public opinion. Data. Analysis. Discussion 2011. – N 1. – P. 36–50.
15. Kufanova, S.N. *Periferiyyny polietnichnyy gorod: sotsiokul'turnoye pozitsionirovaniye (na primere g. Maykopa)* [Text] [Peripheral multiethnic city: socio-cultural positioning (for example, Maikop)]. – Maykop, 2013. – 23 p.
16. Laletina, Ye. *Lyubish' li ty Krasnoyarsk, kak lyublyu yego ya?* [Text] [Do you love Krasnoyarsk, as I love it ?] // *Gorodskiyeh novosti*. – Urban news. – Krasnoyarsk, 2011. N 2380. – available at: <http://www.gornovosti.ru/tema/blagoustroistvo/htm> (accessed: 20.06.2013).
17. Lloyd, R. *Gorod kak mashina razvlecheniy* [Text] [City as a machine for entertainment] / Russ. ed. N.YU. Rupasova // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. – Bulletin of Udmurtia University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2010. – Vol. 1. – P. 33–44.
18. Pasturo, M. *Simvolicheskaya istoriya yevropeyskogo srednevekov'ya* [Text] [Symbolic history of medieval Europe] / Ye. Reshetnikova's Russian edition. – SPb. : Alexandria, 2012. – 448 p.
19. Sennet, R. *Kapitalizm v bol'shom gorode: globalizatsiya, gibkost' i bezrazlichiyeh* [Text] [Capitalism in the big city: globalization, flexibility and indifference] / Russ. ed. A. Smirnova // LOGOS. City. – 2008. – N 3/66. – P. 95–107.

20. Shchukin, A. *Gorod, kotorym ne spekuliruyut* [Text] [City, which does not speculate] // *Expert*. – 2013. – N 5/837. – P. 60–65.

21. Shevlyakova, D.A. *Dominantny natsional'noy identichnosti ital'yantsev* [Text] [Dominant national identity of Italians] / Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2011. – 49 p.

22. Strel'nikova, A.V. *Neobychnyye pamyatniki kak ob'yekt vizual'nogo prostranstva* [Text] [Unusual monuments as an object of visual space] *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – Sociological Studies, 2013. – N 4. – P. 95–99.

23. Zhizhek, S. *Vozvyshenny ob'yekt ideologii* [Text] [Sublime Object of Ideology] / Russ. ed. V. Sofronov. – Moscow : Khudozhestvennyy zhurnal – Moscow Art Magazine, 1999. – 236 p.

V.M. Kapitsyn

**THE SEMIOSIS OF THE CITY PATRIOTISM
(EXPERIENCE OF THE INTERPRETING OF THE THEORY AND PRACTICE)**

The Author considers the signs, symbols and other elements are included in the semiotic mechanism of formation of city patriotism, analyzes the impact of the signs and symbols of the city on the minds of the inhabitants, the role of the architectural symbols, the city planning, holidays, museums, local history studies in the consolidation of the citizens and their perception of the urban space.

urban patriotism, areas of life, sign of the areas of life, symbols, semiotics of the city.

